

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Sofya Lobova

Interviewer: Julia Kanin

<https://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/sofya-lobova>

Content © 2023 Coney Island History Project.

All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission. Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юлия Ханина: Это исторический проект Кони Айленд. Меня зовут Юлия Ханина. И сегодня мы разговариваем с Софией Лобовой, лидером русскоговорящей общины эрии Кони Айленд. Здравствуйте, София!

София Лобова: Здравствуйте, здравствуйте.

ЮХ: София, расскажите нам о себе, о вашей жизни до иммиграции. Может быть немного расскажете о своем детстве?

СЛ: Расскажу. Знаете вот, есть слова такие: “Жизнь похожа на позднюю осень, когда годы как листья летят. Было двадцать, потом сорок восемь, а теперь за восемьдесят.” Много прожито, и, конечно, есть о чем рассказывать. Я родилась в Киеве в ‘35м году. В ‘41м году началась, в июне, война. Мне было 6 лет. Это был замечательный день, когда должно было быть открытие нового стадиона в Киеве. И меня нарядили мама и папа новым платьем, но, к сожалению, в 9 утра отец ушел по призыву в армию сразу. И предложил маме эвакуироваться немедленно. У меня еще была сестричка на 4 года меньше меня. И таким образом началась жизнь в эвакуации. В августе ‘41го, в товарняках поехали мы куда повезли. Под бомбежкой, на остановках... Но Бог спасал, везло нам. Когда начиналась бомбежка, высаживали нас из вагонов. И мама, чтобы остались мы живы, прятала нас под скамейку на тех остановках, на которых мы были. И считала, что вот если под скамейкой, так мы выживем. Это было страшно.

Приехали мы в Орджоникидзевский край [сейчас Ставропольский – прим.], жили там год. Когда началось наступление немцев, надо было уезжать, уходить. Дали нам лошадей, и мама поехала. Куда? Неизвестно. Уже были налеты немецкие. Но были журналисты, которые с самолетов фотографировали эвакуированных. Это была огромная степь: дети, взрослые, старики, шли кто на чем. Кто пешком, кто в машинах... Это было страшно. И запомнился мне эпизод один на всю жизнь, когда над нами немецкий самолет летел очень низко. Журналист, оператор фотографировал, рядом с ним сидел немец с ружьем. А я, ребенок, была веселая с детства, и мне очень интересно было чего они делают, “паршивые немцы” (все говорили и я говорила). И мама наказала меня так сильно-сильно, тоже на всю жизнь, чтобы я не баловалась, потому что сейчас начнут стрелять.

ЮХ: А что Вы сделали?

СЛ: Баловалась, показывала язык, “что это такое, паршивый такой немец?”

Так мы ехали-ехали неизвестно куда. Карты географической не было. Заночевали однажды в степи, вместе с лошадьми. И в три часа ночи мама стала плакать, я проснулась. Перед нами стояли два военнослужащих советских (с Чечни они были). И они сказали, “для армии нужны лошади, мы должны у вас их забрать.” Вот я помню как мама плакала, просила, что она будет делать, она не знает местности, в степи куда идти. Они сказали: “не плачьте, не волнуйтесь, мы дадим вам вола, цоб-цобе, быка.” Мама взяла быка, запрягли его, поехали дальше неизвестно куда. Ехали-ехали, наши войска отступали, и говорили маме (мы уже одни остались, уже тех эвакуированных не было). Они говорили: “Куда вы идете? Немец наступает!” Это был Северный Кавказ. Там, вы знаете, горы, горы, горы... Пойдете, говорит, по этой дорожке – упадете в пропасть, в воду, и погибните, если кто-то будет на встречу. Тем не менее, мы шли. Мама волновалась, но везла нас, знала, что должны мы жить. Приехали в лезгинское село Хазары в Азербайджан. Там мама работала, пожили год. И на большое счастье военная часть стояла там, и комбат был киевлянином. Вот он приютил маму, предложил ей работу прачкой (она вообще бухгалтером была) и поваром одновременно для ком состава. Так мы пожили там год, переехали в Кусары под Баку. И мама работала в рай собесе. Жизнь наладилась, Америка присылала посылки для детей, для взрослых. И ‘45й год, заболели все малярией, я и мама. Мама должна была уже умереть и 9го мая ‘45го подошли врачи (мы были в больнице с сестренкой, мы плакать начали), и врачи сказали: “не плачьте дети. Вот сегодня день когда мама должна или подняться или умереть. Но она не умрет, потому что вы к ней пришли.” Так обрадовали нас. Мама выжила. И в 45м году, в октябре, приехали в Киев.

Ну вот пошла я в школу сразу в Киеве. Началась жизнь. Была общественницей с детства, была старостой биологического кружка, была старостой в классе. И так с детства моя волонтерская работа помимо учебы. Выросла. Любила очень... хотела быть артисткой. Но в артисты трудно было поступить потому что ну, во-первых, маленького роста, а, во-вторых, на Украине 2% еврейского населения было только при приеме. Значит мне посоветовали просто на культработу. И до этого еще, до культработы, первая моя работа в 16 лет, потому что мама получала пенсию за отца – это было очень мало на содержание нас.

ЮХ: Отец не вернулся с войны?

СЛ: Он погиб в ‘41м году. В ‘44м году мама получила извещение. Она в розыск подавала, долго-долго искали, и нам сообщили, что в сентябре ‘41го года под Киевом тут в окружении они попали. Они были в ополчении все. И погиб.

Ну вот первая работа моя на фабрике была в типографии (профессии еще не было). Там я была комсомольским работником. Работала, организовывала. После этого учиться пошла в училище Культпросвет работы. После училища пошла на культработу. Потом закончила институт культуры (Высшая Профсоюзная Школа Культуры в Ленинграде). Отучилась там. Все учились четыре года, а я училась шесть, потому что уже работала в управлении

культуры Киевского горисполкома. Ведала организацией работы парков культуры и отдыха. Все праздники надо было делать городские. Работать, работать – не отпускали. Поэтому дольше училась. А потом вот – в управлении культуры [*работала*]. И после управления культуры думали, думали, думали (на пенсию уже ушла). Дети решили уезжать в Канаду потому что у дочери было двое детей: после Чернобыля, синяки под глазами были. Страшно было оставаться. Она не хотела “ждать” Америку (мы были “в компьютере”). И переехала в Канаду.

ЮХ: Какой это год был?

СЛ: Это был '92й год. А мы приехали в Америку. Приехали в '95м году 31го декабря, так чтобы встретить Новый год в Америке. Я любила всегда какие-то экспромты такие. Меня встретили: сестра моя была тут (родная сестра с семьей своей).

Ну и начали думать что делать. Интересный эпизод такой, что сестра мне писала в Киев, что ты учти, Софа, ты какой-то костюм пошей себе чтобы идти на встречи с правительством, на собеседования и так далее, и так далее. И купи себе еще платье такое, в котором ты будешь убирать квартиры. Ну и мы с мужем подумали: муж – хореограф. Он двадцать лет отплясал в Киевском военном округе в ансамбле песни и пляски. Ну, а я – режиссер (после института) праздников, так могу что-то делать. Мы с ним подумали: работать мне трудно будет потому что у меня связки разорваны были, что я не смогу. Значит, мы найдем себе работу.

ЮХ: Вы когда иммигрировали сразу попали в Бруклин или в какой-то другой город?

СЛ: Мы сразу приехали в Бруклин. Мне казалось с детства, что Бруклин... Это что такое Бруклин? Рабочий Бруклин, это неинтересно. Но потом, когда приехали, и когда вот началась работа такая, так я сказала: мне нравится. Очень нравится.

Ну и вот, так случилось, что первая моя работа была в детском саду. Я применила все свои культурно-массовые задатки и профессию режиссера. И детский русский сад был, и там вот я целый год проработала. Потом мы получили квартиру здесь, на Кони Айленд на Серф. Я познакомилась с Центром. Сразу мы с мужем пошли в Центр, Хэйбер Хаус Сিনিор Центр. И рассказала кто я. Меня спросили кто я, и я рассказала кем работала, и как это все было. Ну, так стали говорить, “ну помогите нам.” Ну, вот, конечно, всей душой, всю жизнь я любила помогать. Вот так выросла и так меня воспитали родители. И началась моя культ-массовая работа здесь, организация людей, тематические вечера. Проблема была такая, что трудно было – пожилые люди, в особенности ветераны войны. И поэтому особое внимание я уделяла вот таким вот людям. Много мероприятий проводили для ветеранов. И в результате я вот получала благодарность от ветеранских коллективов. Ну и надо было проводить работу так, чтобы до ума и до сердца доходило людям. Людям хотелось говорить, хотелось рассказать о своей судьбе. Значит, вот проводила циклы таких вечеров, когда говорили об эмиграции, когда говорили о холокосте, где бывали они. Привозили вещи, которые у них сохранились еще, кто был в концлагерях. Директор Хэйбер Хауса – ее мама была в лагере немецком. И она привезла пуховый платок на кусочки разорванный её

мамой, который она сохранила в лагере и посуду, которой пользовались там в лагере. И каждый человек выливал свою душу. И это вошло в привычку, в постоянные такие вот вечера.

ЮХ: Эти вечера проходили в Хэйбер Хаусе?

СЛ: В Хэйбер Хаусе, да. Я президентом уже была.

И были походы, были знакомства с Америкой. Экскурсий было много всегда. Конечно, директор, *social worker* очень помогали. Ну, а потом, посетители нашего центра предлагали свои праздники, какие бы они хотели. В том числе, много еврейского населения, много китайцев, много русских, украинцев. И мы каждый праздник той или иной нации всегда отмечали.

Организовала коллектив самодеятельный: 15 человек певцов было. Ездили мы, помогали в нерсинг хоммах (*nursing homes*) выступали, в Манхэттене выступали в нерсинг хоммах, в наших нерсинг хоммах тут на 29й. Слушали нас люди больные, несчастные, бедные. Но когда наши певцы начинали петь, они как-то оживали, их привозили в зал на колясках. Они оживали – это было прекрасно, конечно.

Предложили нам, директриса, взять в Центр, может быть на волонтерских началах детей с школы способных детей Марк Твена. Ну, мы решили согласиться. Вот муж учил их танцевать степ. В Америке очень-очень любят степ. Приходили к нам классы, 5е и 6е: они приходили с воспитателями, с родителями. Родителями тоже очень-очень нравилось. Мы оторвали всех детей от плохих привычек. Они все научились танцевать. Потом стали нам предлагать, чтобы муж помог свадебным парам сделать какой-то танец. Вот мы учили этим танцам. Я была переводчиком. Тогда еще у меня был слабый английский. Ну вот случаи такие были... Муж любил дисциплину очень в коллективах танцевальных. Он нервничал, когда эти дети приходили, чтобы порядок был. И вместо того, чтоб сказать “Attention!” (“Внимание!”), он говорит “Увага! Увага!” – по-украински. Ну вот дети не поняли что [*это*]. Я стала смеяться, так подошла мамаша одна, говорит, “Why you smile? What does it mean?” Я говорю, что это “Attention” на-украинском. Ну так мы выучили год с ними.

ЮХ: Вы всю жизнь занимались творчеством оба?

СЛ: Да, это наша профессия была. Он был очень добрый человек, очень приветливый. Его все любили. Тут он танцы он сделал. Я в каждом мероприятии включила какой-то танец. Я писала сценарий, а он – танец.

Организовывали мы театральные представления, праздники мод. Наши дамы и наши господа переодевались. Это очень-очень нравилось тоже всем. Ну что касается политики, такие у нас заседания, такие обсуждения, был круглый стол. Не единожды политики приходили. Ну что можно сказать? Ну все для людей! Вот до сегодняшнего дня 17 лет я была на этой работе.

ЮХ: Я вот хотела уточнить, это была работа или волонтерство?

СЛ: Вы знаете, я вот мужу сказала, “Знаешь что? Нам дали SSI.” Муж был старше меня – ему сразу дали, ему был 71 год. А мне было 61 год. Ну, раз дали SSI, мы тут не работали, значит я буду волонтером навсегда. И вот с тех пор, 17 лет я занималась этой работой. Ну, кроме того, политические выборы – принимала участие всегда в них. И работала там во время выборов. И людям рассказывала, потому что слабоватая агитация перед выборами. Ну, и на каждый праздник приходили политики. Директриса приглашала всех.

Первый праздник, который я провела здесь – это было пятилетие нашего Центра. Я предложила, выполнили все мои заявки режиссерские, согласились со всем. Купили, приобрели все, что нужно. Было очень интересно, потому что я собрала, у нас разные национальности были... И я записала на кассету голос каждого, что им нравится в Америке. Испанцы говорили о себе, американцы говорили о себе, сюда те, кто приехал, говорили о себе, с какой страны они приехали, как им тут нравится, как благодарили Америку.

ЮХ: Кто принимает участие в постановках?

СЛ: Сами посетители. Это была самодеятельность наша. Ну что рассказать о работе? Больно людям всегда тем, которые одинокие. И когда рождаются дети, внуки – они приходят нам рассказывают и спрашивают совета. Вот этим мы занимались всегда.

Кроме этого, было направление кулинарии. Женщины рассказывали о своих приемах кулинарных, из какой они республики, вот что там готовят.

ЮХ: Про Вас говорят, что Вы – комьюнити лидер. И Вы сами так себя идентифицируете. А как Вы стали лидером?

СЛ: Ну я быстро схожусь с людьми очень. Я быстро знакоблюсь. И люди вокруг меня всегда были. Вот всю жизнь. И у нас был президент другой – американец. И вначале меня выбрали вице-президентом. Я была год вице-президентом. Ну и он умер. И тогда сказали – надо выборы. Кого выборы? Ну и люди стали говорить: Лобову давайте, давайте Лобову, давайте Лобову. Меня уже знали, потому что я мероприятий несколько проводила: дни рождения людей, которые приходили к нам, в особенности юбилеи. Ну, вот сделала все, что могла, чтобы было интересно. Ну, вот после этого стали узнавать нас всех, когда возили самодеятельность в нерсинг хомах, когда в других центрах выступали. Стали узнавать. Лобова, Лобова... Ну ладно, Лобова – значит надо работать. Ну, старалась как могла.

Ну, таким образом получила, вот все. Благодарна от души Америке, что вот знали, понимали, помогали. Помогали всем, чтобы мы и к кому бы ни обратились по какому-то вопросу – нам всегда помогали. А люди у нас в центре – были волонтеры тоже. Их было 25 человек. Они помогали в столовой обслуживать. Они помогали выдавать продукты, тогда, когда раз в месяц мы получали. Их поощряли тоже мы уже в центре. Ну, вот была такая традиция на День Благодарения я просила в Сити Холле, чтобы подарили нам индюшек. И нам привозили. на каждого волонтера привозили индюшки.

Ну, вот до сегодняшнего дня все мы дружим, все в дружбе. Но многие ушли в детские садики, а остальные здесь. Некуда нам деться никак. Ну, есть у нас синагога на Серф авеню. Вот я в синагоге провожу иногда... Праздники всегда я помогаю рабаю. Он приносит листовки мне, с моей фамилией и с телефоном, чтобы наши русскоязычные в Кони Айленд звонили, заказывали места и приходили.

ЮХ: Вы говорили, что Вы длительное время были президентом, а сейчас Вы уже не являетесь им?

СЛ: Сейчас? Нет, я не президент, потому что нет уже пять лет тому. Начался ремонт, закрыли все. И вот шестой год мы мучаемся.

ЮХ: Есть ли какие-то планы по открытию?

СЛ: Борются, борются, борются. Ари Каган продолбил уже дырку в нашем жилищном управлении. Когда был Де Блазио (это когда начинался только ремонт), был круглый стол. И я выступала там. А Де Блазио пригласил все службы Сити Холла. И спросила, "Вот начинается ремонт, что это будет? Как это будет? Закроют Центр насколько?" Он вызвал начальника Департамента Жилищного Управления и говорит, "а ну, отвечай, как будет?" И нам пообещали, что будет лучше, чем было, что это будет прекрасно для пожилых людей. Ну, мы видим, что закрыли и, наверное, навсегда.

ЮХ: Сколько работал ваш Центр?

СЛ: Центр? 30 лет. 30 лет. Проводили на пенсию директрису, пришла новая директор, молодая. Ей удалось семь лет поработать, когда закрыли вот это все. Ну, когда Сэнди случилось надо было людям помогать.

ЮХ: Да, расскажите немного о Сэнди и как Вы это пережили.

СЛ: Значит была назначена эвакуация. Объявили, что будут автобусы – кто хочет, может уехать, в места, где обозначено Сити Холлом для эвакуированных. Вот на время Сэнди. Значит вот мы организовали так, чтобы был порядок. Люди уехали. Тот, кто остался здесь, не хотел ехать – Сити Холл помогал, депутаты помогали. Три дня не было света. Отключено электричество, темно, лифт не работал. И вот политики, спасибо им большое, поднимались, с хлебом, с продуктами – раздавали людям, которые остались в этих домах.

ЮХ: Вы остались или Вы уехали?

СЛ: Я уехала к сестре. Я не осталась. В Старосити она живет. Я побывала у нее. Мне звонили туда и рассказывали, какая обстановка. Тут, как вода уже сходит, и что можно приезжать уже будет. Приехала в разруху, тут такое было. После этого, помогли людям как могли. Центр был затоплен. Все холодильники перевернуты были, в воде. Музыкальные инструменты залиты были. Надо было все выбрасывать, все очищать. Так мы, директор, social worker, и я выбирали воду, вытягивали материалы... Все мои материалы пропали, микрофоны пропали. Ну, потом продолжили работу, высушили все.

ЮХ: Над какими общественными проектами Вы сейчас занимаетесь? Ведь с закрытием Центра Вы не прекратили свою деятельность?

СЛ: Я не прекратила. Ну, вот звонят мне по-любому вопросу: у кого что случилось в квартире, остановился лифт, сколько можно мучиться? Я передаю тут же в службу. Звоню в Сити Холл: принимайте меры! Начинают принимать. Как что случается – “Лобова, сколько можно? Ну почему ничего не делают?” Ну я ж не работаю в NYCHA. Ну я сижу, так как вы, такая же как вы. Ну, надо помочь. Жалуюсь в Сити Холл. Ну, вот такая работа.

Что можно сказать? Время идет. И люди, конечно, стареют, стареют, стареют вместе со мной. И нужно принимать какие-то меры к проблеме, которая возникла сейчас. Неимоверная проблема с ремонтом. Губернатор наша утвердила закон организации, траст называется – это Фонд сохранения жилья, назвали себя трастом. И вторая строительная организация – ПАК. Они нам прислали буклеты. Первый буклет в июне месяце был о том, что значит эта организация. Они свой устав напечатали. Жилищное управление отдало им в рент на 99 лет землю, и дома, которые на ней стоят. Ну, не только Хэйбер Хаус, а 25 тысяч квартир будут подходить под их ремонты. И раз они будут входить, называется “реконструкция,” значит нужно выселить людей потому что будут меняться трубы, потому что окна, стекла, стены... Ну, реконструкция есть реконструкция. Это понятно. От двух месяцев нужно будет выселить до шести месяцев. Куда выселить? В другие места. В какие нам до сих пор не сказали еще. Теперь голосование должно быть. И мы имеем право на статус-кво. Статус-кво наше – остаться тут. Все дома для малоимущих – это 9я программа. Мы хотим остаться тут. Как NYCHA была, пусть они... Плохо, лучше, хуже – пусть ремонтируют. Вот значит что нужно делать? Принимать меры. Как принимать? Значит я организовала группу, которая будет в помощь. Интересные люди очень. Значит вот звонят, находят компании, которые хотят нам помочь. И вот сейчас петицию подготовили, подписи собрали. Значит вот с этой проблемой мы сейчас живем, ищем того, кому писать, отправлять петиции. Телефоны хотим знать, адреса хотим знать. Вот сейчас такая работа.

ЮХ: Вы показали нам несколько своих наград, и с Украины и с Америки. Расскажите пожалуйста о них.

СЛ: Вот семидесятилетие победы было – я у нас сделала вечера. Я помогала в городе, если нужно кому-то. Вот я получила грамоту. Приходила ни раз депутат Ассамблеи. Помогала, смотрела, она видела нашу работу. Я обо всем не могу и не хочу рассказывать... Я писала сценарии. Я эти сценарии воплощала в жизнь. Помогали мне все. Директор – спасибо мужу ее. И social worker. Это общая работа была такая. Заслужила вот эту грамоту.

ЮХ: Вы также получили Woman of Distinction награду?

СЛ: Да, правильно, да.

ЮХ: Это было в 2019 году?

СЛ: Да, в 19м.

ЮХ: Расскажите также о наградах, которые Вы получили в Украине?

СЛ: Значит я сделала 1500-летие Киева. У нас 14 районов в Киеве было, сейчас – больше. В каждом районе был свой режиссер. Я была режиссером, но была Пахмутова [Российский композитор, автор песен, очень известная и влиятельная фигура Советского искусства – прим.] со своим мужем-поэтом, Добронравовым [поэт, автор многих Советских песен, актер – прим.]. Я придумала, такое выдумала на свою голову, чтобы было хорошо: что у меня сцена для актеров должна быть похожа на золотые ворота в Киеве, с террасами такими. Ну, там на Украине всегда помогали партийные органы – райкомы партии. Я коммунистом не была, а просто режиссером. Трудно было сделать эту сцену с террасами. Но райком партии сказал предприятиям, директорам всех предприятий. Они слушали сценарий, я сказала, что нужно. И каждому дал задание. Вот сделали эту террасу. Потом заказали фейерверк – сами они предложили картинку: когда огонь будет, из этого огня Кий, Щек, Хорив и сестра Лыбедь [по преданиям, основатели Киева – прим.] И когда закончился концерт, я подошла и спросила у Добронравова и Пахмутовой. А самый большой праздник был на стадионе общий для Киева – там были ленинградцы, делали Генкин и Петров. А я спросила, “А я не Генкин, и не Петров, но как вам?” Они мне сказали, “Спасибо вам огромное. Это праздник был для народа.” Ну, вот получила 1500-летие Киева медаль.

ЮХ: Вы сразу на Кони Айленд попали или Вы жили в другом районе?

СЛ: Нет, не на Кони Айленд. Рентная квартира была на Весте: на Вест и Ю, на углу там. А потом встала на очередь, спасибо. В течение семи месяцев получили мы квартиру на Кони Айленд, вот через дорогу здесь. А потом, когда я сделала пятилетие, праздник этот, и все правительство было, у директрисы спросили, “Скажи пожалуйста, кто этот праздник сделал? Сколько ты уплатила?” Она говорит, “Я ничего не платила. Это бесплатно.” “А кто?” “Вот эта леди.” Ну и ко мне подошли с жилуправления и спросили, “Где вы живете? Такой праздник Вы сделали! А где Вы живете?” Я говорю, “Через дорогу.” “А Вы бы хотели тут жить?” Я говорю, “I don't believe. Please, repeat” (“Я не верю, пожалуйста повторите”). Переспросили меня. Я говорю, “Конечно.” И вот получила я эту квартиру.

ЮХ: Как Вы считаете поменялся Кони Айленд, поскольку Вы давно здесь живете?

СЛ: Поменялся он, с одной стороны, в лучшую сторону: много новых домов, частное строительство, улучшилось озеленение. Построен театр – это прекрасно. Шоу, представления – это замечательно. Но сейчас очень мало места транспорту. Это очень плохо. Поменялись коммуникации под землей. И без конца роют и ремонтируют, роют и ремонтируют.

Лучше обстановка стала. Сейчас вот она в последнее время ухудшилась. Но было гораздо лучше, тише было. Не было стрельбы.

ЮХ: Какие-то позитивные изменения есть?

СЛ: Позитивные? Ну вот позитивные – люди радуются, что стало похоже на Бродвей. Замечательный парк аттракционов стал. Там проводятся мероприятия прекрасные. Стадион, спасибо, там тоже. Проводят мероприятия. Вот недавно там на катке люди катались, там здание такое. Об этом рассказывали. Ну вот я бываю на всяких таких интересных мероприятиях. Меня приглашают. Я рада слышать, что нравится Кони Айленд. Нравится людям. И поэтому многие хотят жить только здесь, в этой зоне.